

ТРИ ИПОСТАСИ СОВЕСТИ У ДОСТОЕВСКОГО¹

Арвидас Юозайтис

Совесть как механизм самораскрытия характера

Есть основания полагать, что высоты творчества Ф.М. Достоевского открываются только при наличии у читателя особого опыта совести. Опыта, который, так или иначе, присутствует в собственной жизни каждого из нас.

Понимание совести как глубинной творческой проблемы требует особых усилий, ставящих во главу угла терзания души. Совесть не является обычной духовностью, она – высшая ее суть, венец. Говоря научно-образным языком, можно назвать совесть и метадуховностью. *Одним словом, совесть – сила,двигающая душу.*

Предмет довольно запутан, ибо, даже внимательно изучая характеры в произведениях Достоевского, мы можем и не замечать, как именно там задействована совесть. В поисках ответов на жизненные вопросы довольно легко уйти от «механизма совести», самопроверки героя и перепрыгнуть прямо к идеям.

Ведь очевидно, что художественные и философско-религиозные проблемы могут быть обсуждаемы и без оглядки на работу совести. Скажем, изречения Версилова вполне можно обсуждать как борьбу западничества и славянофильства, оставляя без внимания душевную (не духовную) борьбу *за и против* этих идей. Множество умозрительных открытий, извлеченных из произведений Достоевского, не требует дополнительных доказательств: они – самодостаточные, общепринятые константы культуры, и живут сами по себе. При этом Достоевский не обязывает читателя сразу же уловить канву идей: он их беспрестанно повторяет. Таким образом, даже усердное изучение Достоевского зачастую прикрывает неразвитость опыта совести самого читателя.

Понимание той полноты жизни, которая содержится в зрелых произведениях Достоевского, требует совестливого (вот где игра слов!) взгляда. Тут, как говорится, краса мира открывается только зрячему. Речь идет не о знании или незнании законов жизни, не о сопоставлении их с открытиями Достоевского. Дело обстоит иначе: надо задействовать свою собственную совесть как глубинный механизм соответствия сути

¹ Исследовательское эссе д-ра гуманитарных наук А. Юозайтиса (2004) было напечатано в труднодоступных изданиях Великого Новгорода, Калининграда, Екатеринбурга, Иркутска. Редакция сочла возможным опубликовать его на родине автора.

человеческой природы и ее греховности. *В этом плане творчество Достоевского – сокровищница. В ней укладываются все ипостаси совести: психологическая, умозрительная и религиозная.*

Возраст совести заведомо не совпадает с обыденным человеческим опытом, напрямую не зависит от биологического или даже социального возраста. Алеша Карамазов или Лев Николаевич Мышкин – ярчайшие тому доказательства. Эти два характера являются как бы «героями совести», представителями совершенной жизни, жизни как совести. Ибо они – на высшем уровне религиозности человеческих отношений (но не самой религиозности). Этот уровень не достигается прожитыми годами – с годами он может и теряться.

Сумбурное капиталистическое общество постоянно удаляется от нравственных проблем, а в условиях повального рынка совесть становится разменной монетой. Как в таких условиях воспринимается Достоевский? Наверное, так же, как и 140–130 лет тому назад. Обывателю доступно любое произведение, ему дозволено любое восприятие, – и что? Нельзя требовать от читателя ничего такого, что он не в силах понять. Выдвинутая проблема может не беспокоить многих читателей. Как и обывателей, даже не подозревающих о запрятанных в книгах сокровищах.

Однако мы вправе заявить, что обыденное сознание – не Бог и не царь на поле брани под именем Федор Михайлович Достоевский. Совесть – характерообразующая сила его героев, а также одна из основных и, думается, ключевых проблем. Совесть как целое – не

существует (быть вещью в себе, «ноуменом» – не ее удел), как целое оно – неразрешимо. Уже в ранних своих произведениях Достоевский с ужасом, быть может, для себя открывает бездонность совести. Пресловутое критическое самосознание его героев, несчастное сознание – это психологически мотивированный провал в омут водоворота, в пульсирующую тайну души. Имя этой тайне – совесть, т.е. саморефлексия под надзором универсальных идей. Не удивительно, что молодой Достоевский, очумевший от неожиданного открытия, вначале сумел работать только с самой простой – психологической – ипостасью совести. Это – повышенная температура совестливости, постоянная тревога по поводу своего несовершенства, болезненное состояние неразрешимости судьбы, бессилие и мелочность. Макарь Девушкин – идеальный тип для такой работы души. После «Бедных людей» путь определен. Греховный путь самолюбования и преодоления самодовольства начат и раскрыт.

Однако существуют переходные звенья, которые в значительной мере зависят от переломных моментов в собственной судьбе писателя. У Достоевского постоянное раскрытие совести идет рука об руку с развитием механизма самоконтроля над своей собственной греховностью. Так он – вместе со своими героями – прошел весь путь, начиная с психологического «контроля» души и кончая христианским оправданием ее. Термин «механизм» довольно груб, но он более уместен, чем трактовка совести как «полиции нравов» или даже «высшей духовности». Или, на манер

3. Фрейда, «супер-эго». В словаре В. Даля статья «совесть» отсутствует. Но есть русско-христианская поговорка, напрямую говорящая о нашем предмете: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься». Это – сгусток механизма совести.

Очевидно, что Достоевский – вовсе не «демократический» автор. Его герои воспитывают постольку, поскольку читатель готов к самовозрастанию. Но Достоевский – не «тоталитарен», т.е. не настаивает на сознательности читателя. Все зависит от готовности читателя задействовать свою собственную совесть, прийти к героям произведений.

Если позволительна терминологическая вольность, Достоевский – «автократ совести». *Т.е. он остается при совести своих героев, всячески активизирует ее и, вместе с тем, оживляет деятельность совести читателя.* У каждого значительного персонажа Достоевского совесть задействована на полную мощь характера. В любом характере достаточно силы, чтобы производить и решать моральные проблемы выбора. Какие это проблемы? Разные: экзистенциальные, житейские, любовные и, в особенности, проблемы веры и неверия. При этом герои способны радикально опровергнуть, «опротестовать» свои поступки – и тоже на основе принципов совести. Дойти до последней черты – самоубийства, – и это тоже работа совести. (Как у Аркадия Свидригайлова.) Словом, поучиться у Достоевского есть чему.

Совесть можно понять в бахтинском ключе, т.е. совместить ее с основной категорией поэтики Достоевского – диа-

логичностью. Но совесть не исчерпывается диалогичностью, ибо скрывает в себе ценностные основы. Совесть раскрывается под надзором идей. Идеалы (а это значит отвлечение от идей) являются константами, на которых зиждутся все человеческие решения.

Моральные идеалы составляют основу духовности, но сами по себе они указывают на более высокое – на корень греха. Таким образом, наш предмет своеобразен и заведомо обречен на двусмысленность: человек, будучи греховным, узнает грех постольку, поскольку задействована совесть. Осознаешь – значит, человек. Но тут и проблема: полноценное понимание совести невозможно лишь на психологическом уровне (как бы исходя из дурного или хорошего характера). Она воцаряется на уровне вечных идей. Скажем, идеи «Мир спасет красота», т.е. та красота, которая есть добро.

Совесть живет в нас будто отдельно, как нечто «другое» (Мартин Бубер); проще всего представить совесть в виде памяти о живом, живущем в нас другом человеке.

Иллюстрацией к этому может послужить фильм А. Тарковского «Солярис». У героя Криса Кельвина оживает совесть – она активизирована неким космическим телом. Совесть не только овеществляется, но и оживляется, приобретая и духовный, и материальный вид – образ Хари, покончившей с собой жены героя. Уйдя из жизни по собственной воле, Хари оставила в душе Криса незаживающую рану, и было достаточно активизации совести, чтобы ожило и тело, свершилось удивительное и чудесное.

Таким образом, мы сталкиваемся с основополагающим вопросом: при каких идеалах в человеке оживает некое «другое»? Как оно активизируется?

Наша гипотеза звучит так: возможны три основных способа оживления совести. Три лика совести у Достоевского. Как писалось выше, у Достоевского развитие собственного механизма совести неизбежно сопряжено с творчеством и, несомненно, способствует построению художественных характеров. Духовный опыт писателя является организующим началом всех его героев. Поэтому правомерно, исследуя различные ипостаси творчества писателя, сопоставлять их с ипостасями совести. При этом не обязательно обсуждать пути, которыми биография творца входит в его творчество и творимые характеры, – это было бы излишне.

Психологическая совесть (проза 1846–1848 гг.)

В разные периоды жизни у Достоевского доминировало различное понимание совести: как категории психологической, социальной или христианской. Порядок буквально таков – по возрастающей. Дело здесь в идеях, в понимании человеческого предназначения и в восприятии жизненных задач. Иначе говоря, здесь наблюдается рост души.

В ранних своих произведениях Достоевский сумел подняться лишь на уровень психологической ипостаси совести. Но и это – свидетельство писательского дара и таланта. (На психологической основе работают многие писатели). В «Бедных людях», «Белых ночах», а также в «Двойнике» пред-

ставлены чистейшие образцы психологического характера – души, в которых разыгрываются трагедии самоугрыбления, самолюбования и, вместе с тем, социального бессилия. Даже имена героев говорят за себя: Деушкин, Голядкин, а то и безымянный герой. Это все человек «в углу», тип, терзающий себя, испытывающий духовные муки, немощный и жалкий. В конце концов, такой герой вянет в фимиаме моральных решений. Упускает свой шанс.

Пробуждение совести в персонажах 1840-х гг. зашло в тупик, оно не давало героям счастья, благополучия, любви. Достоевский довольно быстро исчерпал возможности «психологического сознания». В каждом отдельном случае оказывалось, что индивидуальное счастье – это чистейшей воды эгоизм, апофеоз индивидуально-либеральных ценностей, одним словом – западничество. И все это сулило один исход – упиваться несчастным сознанием и, в конечном итоге, погубленной жизнью.

Однако, работая в этом ключе, Достоевский удостоился восхищенной оценки Белинского, и эта оценка стала лучшей охранной грамотой для начинающего писателя.

Нам не дано узнать, как бы открылось для Достоевского литературное поприще, оставайся он в поисках новых характеров на либеральной стезе. Но роковая встреча с Михаилом Петрашевским и посещения тайного кружка новых либералов решили все. «И открылась мне та дорога, по которой ушло так много, по которой сына везли» (А. Ахматова). Психология прервалась в один миг, пелена упала, и перед жад-

ным взором Достоевского предстала возможность принести себя в жертву обществу, людям, прогрессу, т.е. покончить с «несчастливым сознанием». Надо было только разорвать путы самоанализа и поиска индивидуального счастья. Психологическому самоупоению страданиями и общественному бессилию пришел конец. Социальная активность, хотя и незначительного размаха, оторвала душу писателя от писательства.

В поздние годы Достоевский совершенно справедливо и резко отвергал закрепившийся за ним титул «психолога». Он перестал считать себя психологом и стал настаивать на том, что его творчество – высший реализм в раскрытии глубин человеческой души. Иначе говоря, можно предположить, что психология все-таки присутствует, но только на одну треть его таланта.

Иначе и не бывает – служение «общему делу» высвобождает человека из внутренней психологической тюрьмы. Психологичностью охваченная совесть – это, в сущности, совесть не любви, а самолюбия. Тиранство психологии (позднее это раскрыто в характере Фомы Фомича).

Опыт социальной совести (перемены 1849–1862 гг.)

В начале 1847 г. Достоевский стал посещать пятницы М. Петрашевского. Открылась возможность нового духовного опыта. Но это – не писательство, и можно ли эти перемены увязать с творческими открытиями? Как бы там ни было, возникало «человеческое, слишком человеческое» (Ф. Ницше). Достоевский

освободился из пут психологизма. Как ни странно, но здесь на помощь приходит изначальный смысл понятия «совесть» – «со-весть», «пришедшее вместе с вестью, с веданием, с осознанием». «Со-весть» – это обращение к другому не во *мне*, а во *вне*. Это в то же время и публичность: выходя из себя, мы выносим совесть на публичный суд. Не оксюморон ли такое понимание совести – да еще с аморальным оттенком? Покаялся на миру и умыл руки?

Не будем спешить с выводами. Вспомним, как совесть потребовала у отставного штабс-капитана Снегирева втоптать в землю двухсотрублевую купюру, которая ему была необходима для самых что ни на есть жизненных нужд? Почему это, как это? Несчастный делает это уязвленно, с подавленной совестью... греха. То есть он чувствует безвыходность ситуации, видит свой позор, ущербность оголения души. И при этом – все в проигрыше: проигрывают Катерина Ивановна и Митя, Алеша и сам Снегирев вместе с нищенствующей семьей. Что это такое – суд социальной совести? Это же суровость суда. Такая цена у публичности. Общество за психологией не гонится: не спасешься и после оголения внутрь себя не вернешься. Эта совесть – у всех на виду, она – гольшом, она социальна.

Что происходит с человеком, когда он раскрывает свою душу (совесть) свету, выкладывает ее как на ладони? Это очевидно любому неискушенному взгляду, это то самое, что подразумевает генерал Епанчин после неудачного сватовства князя Мышкина к Аглае: «...свет есть свет». Т.е. свет рассудит и

осудит. Общество возьмет козыри в свои руки и скажет: это выигрыш, а это – проигрыш. Совесть отдельного человека попадает под контроль общества.

Но тогда при чем тут кружок Петрашевского? Очень даже при чем! В кружке принималась присяга, которую давал и Достоевский. Присяга содержала в себе опасное указание: в ней намечен бунт, т.е. восстание против основ государства. Но вменить в состав преступления можно и сам факт присяги, ибо присягнувший отдает себя во власть не государства, а другого внешнего контролера. Присяга – это сознательная программа действия. За нее можно и судить, и выносить смертный приговор. Что и было сделано. (Кстати, а что такое нынешняя практика присяги у глав государств, министров и парламентариев? Обнаружение социальной совести).

Однако и это «преступление» было на руку гениальному писателю. После приговора жизнь не остановилась, пришло время новых перемен. Оставшись в живых, Достоевский смог подвергнуть основательной ревизии и критике свою веру в социальные перевороты. В Омском остроге он пришел к неутешительному выводу, что жизнь и творчество не стоят ни гроша, если в их основе лежит «истина без Христа».

Так Достоевский вышел на высшую ипостась совести.

Христианская совесть (творчество после 1862 г.)

Христианская совесть – это постоянное соотнесение своих мыслей и поступков с «истиной Христа», т.е. с основным

законом Его – любовью к ближнему. Это состояние души предполагает постоянное чувство греховности. Начиная с «Преступления и наказания», многие герои Достоевского норовят хоть раз в жизни совершить «честное дело, то есть совершенно без задней мысли». Какой герой способен на такой поступок? В позднем творчестве Достоевского таких героев, по крайней мере, двое: князь Мышкин и Алеша Карамазов.

Знаменательно, что «совесть как чувство» в культурном сознании русского народа предполагает не психологию и не социальную совесть, а именно христианскую душу. Вспомним, что Рогожин говорит князю Мышкину: «Да почему ты-то мои чувства знаешь? ... Да я, может, в том ни разу с тех пор и не покался...». Вот истина: не спрячешься, душа как на ладони. Только на сей раз она не социальна, это не присяга – это исповедь. Исповедь как акт публичной совести, но уже совсем в другом направлении. За присягу можно судить, за исповедь – только помиловать. Исповедь не выбрасывает душу вон, во вне, исповедь возвращает душу внутрь человека. Христианская совесть замыкает душу, возвращает ей полноту, чувство гармонии и удовлетворения жизнью в высшем, в чувстве универсума.

Но остается брешь. Ибо нет большего соблазна для души человеческой, чем соблазн симуляции совести. Человек по натуре своей стремится казаться (именно казаться, а не обязательно быть) лучше, чем он есть на самом деле. Это социально выгодно, это красиво. Симуляция зачастую удается. Такой «удачей» отмечены Иван Карамазов и Фома Фо-

мич, Смердяков и Версилов, Митя Карамазов и Снегирев.

Однако! Симуляция возможна только на двух первых ипостасях – психологической и социальной. Христианская же ипостась не поддается искажению и лицедейству. Примером тому может послужить исповедь Ипполита у Лебедева.

Очень странна эта «необходимая исповедь». Она зависит от брошенного жребия: «читать или не читать?». То есть сам Ипполит Терентьев зависит от социального кружка, производимого им контроля. Хотя «пенитент» апеллирует к глубине собственной души. Значит, тут в самораскрытие вложена фальшь? Поэтому у общества (кружка) есть право издеваться над «откровенностью слабосилия» героя. И, когда в исступлении Ипполит, наконец, восклицает, что он – «выкидыш», какова реакция? Достойная: да, сударь, так оно и есть: ты – даже и хуже. Христианская исповедь на основе психологического самолюбия провалилась.

Но вот что интересно: все в этой сцене «Идиота» расставляет на свои места коллективная ответственность, т.е. социальная связь присутствующих, социальная совесть. Она опознает вещи в лицо и заявляет: то была не исповедь, а заведомо ложная присяга. После этого Ипполиту остается только застрелиться. Но он симулирует и эту возможность совестливого выхода. И теряет всех и все, даже расположение к себе князя Мышкина. Он остается наедине со своей психологией – своим несчастным сознанием и уж впрямь жалким существованием.

Необычайно интересно то, что в последнем своем произведении, именно в «Братьях Карамазовых», Достоевский взял и представил нам все три ипостаси совести. Они – в каждом из трех братьев. *В каждом из Карамазовых преобладает тот или иной тип совести. Дмитрий наделен психологической ипостасью, Иван – социальной, Алеша – христианской. Душа каждого из них выписана как бы в обратном порядке по отношению к возрасту: душа и возраст Алексея и Дмитрия. А вот Иван стоит на своем месте: его социальность – на «своем месте».*

Двум героям Достоевского предписывается чистота помыслов и поступков – князю Мышкину и Алеше Карамазову. Один из них привозит с собой чистоту христианской души из настоящей Швейцарии, другой – из искусственной, из монастырского скита. Исход известен: оба обречены, оба будут задавлены весом бытующих в мире психологических и социальных «совестей». Что случается с этими христианскими «выкидышами»?

Один возвращается в лоно психологии и впадает в детство; другому, по многим предположениям, суждена судьба борца за социальные идеалы.

Шанс христианской совести в миру невелик.

Где на земле, в каких частных интересах можно найти чистый поступок? Герои Достоевского грезят хотя бы об одном таком. Но они бессильны его совершить. Ибо нет на земле такого места – свободного от интересов. И поэтому любая цель поступка – в лоне интереса. Совестливость далека от совести.

TRYS DOSTOJEVSKIO SĄŽINĖS HIPOSTAZĖS

Arvydas Juozaitis

S a n t r a u k a

Sąžinė – viena iš kategorijų, apibūdinančių visus pagrindinius Dostojevskio herojus. Rašytojas įvairiais būdais aktyvina savo personažų sąžinę, vadinas, žadindama ir savo skaitytojų sąžinę. Rašytojas kartu su savo herojais nuėjo ilgą kelią nuo psichologinių sielos „pratybų“ iki krikščioniškosios sąžinės-nuodėmės analizės. Skirtingais gyvenimo periodais rašytojo kūryboje dominuodavo skirtingos sąžinės kategorijos sampratos: psichologinė, socialinė ir krikščioniška. Ankstyvasis Dostojevskis 1846–1848

metų prozoje nagrinėja tik pačią paprasčiausią, psichologinę sąžinės hipostazę. Socialinės sąžinės problema tampa dominuojančia išgyvenant dramatiškus 1849–1862 metus. Krikščioniškosios sąžinės samprata, kaip savo minčių ir poelgių susiejimas su artimo meile, taip pat ir kankinanti nuodėmės analizė, Dostojevskio kūryboje atsiranda po 1862 metų. Paskutiniame romane „Broliai Karamazovai“ labai savitai visos trys sąžinės hipostazės įkūnyjamos trijų brolių Karamazovų paveiksluose.

Получено: 2012, октябрь

Принято: 2012, октябрь

Адрес автора:

E-mail: Arvydas.Juozaitis@gmail.com